

Одоевский Владимир Федорович

Сильфида

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Федорович О.**
Сильфида / Одоевский Владимир Федорович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-521-26148-2

ISBN 978-5-521-26148-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

у себя псовой охоты; но надѣюсь, что они къ этому привыкнуть и мнѣ удастся хотя въ нашемъ уѣздѣ убить это негодное просвѣщеніе, которое только выводитъ человѣка изъ терпѣнія и противится его внутреннему естественному влеченію: сидѣть склавши руки... но къ чорту философія! Она умѣетъ вмѣшаться въ мысли самаго животнаго человѣка... Кстати о животныхъ: у иныхъ изъ моихъ сосѣдей есть прехорошенькія дочки, которыхъ однакожъ нельзя сравнить съ цвѣтами, а развѣ съ огородною зеленью; тучныя, полныя, здоровыя — и слова отъ нихъ не добьешься. У одного изъ ближайшихъ моихъ сосѣдей, очень богатаго человѣка, есть дочь, которую кажется зовутъ Катенькой и которую можно бы почестъ исключеніемъ изъ общаго правила, еслибъ она также не имѣла привычки: прижимать язычекъ къ зубамъ и краснѣть при каждомъ словѣ, которое ей скажешь. Я бился съ нею около получаса и до сихъ поръ не могу рѣшить, есть-ли умъ подъ этою прекрасною оболочкою, а эта оболочка въ самомъ дѣлѣ прекрасна. Въ ея полузаспавныхъ глазкахъ, въ этомъ носикѣ вздернутомъ къ верху есть что-то такое милое, такое ребяческое, что невольно хочется разцѣловать ее. Мнѣ очень *желательно* какъ здѣсь говорятъ, заставить заговорить эту куколку и я приготавлиюсь въ будущее свиданіе начать разговоръ хоть словами несравненнаго Ивана Ѳедоровича Шпоньки: *«льтомы-сь бываетъ очень много мухъ»*, и посмотрю не выйдетъ-ли изъ этого разговора нѣчто продолжительнѣе бесѣды Ивана Ѳедоровича съ его невѣстою.

Прощай — пиши ко мнѣ чаще, но отъ меня ожидай писемъ очень рѣдко; мнѣ очень весело читать твои письма, но едва-ли не столь же весело не отвѣчать на нихъ.

ПИСЬМО II.

(Два мѣсяца спустя послѣ перваго.)

Говори теперь о твердости духа человѣческаго! давно-ли я радовался что сомною нѣтъ ни одной книги; но не прошелъ мѣсяцъ какъ мнѣ взгрустнулось по книгамъ. Началось тѣмъ, что сосѣди мои надобѣли мнѣ до смерти; правду ты мнѣ писалъ, что я напрасно сообщаю имъ мои ироническія замѣчанія объ ученыхъ и что мои слова, возвышая ихъ глупое самолюбіе, еще больше сбиваютъ ихъ съ толку. Да! я увѣрился, мой другъ: невѣжество не спасенье. Я скоро здѣсь нашелъ всѣ тѣ-же страсти, которыя меня пугали между людьми такъ называемыми образованными, то-же честолюбіе, то-же тщеславіе, та-же зависть, то-же корыстолюбіе, та-же злоба, та-же лесть, та-же низость только съ тою разницею, что всѣ эти страсти здѣсь сильнѣе, откровеннѣе, подлѣе, — а между тѣмъ предметы ихъ мельче. Скажу болѣе: человѣка образованнаго развлекаетъ его самая образованность и душа его по крайней мѣрѣ не каждую минуту своего существованія

находится въ полномъ униженіи; музыка, картина, выдумка роскоши все это отнимаетъ у него время на низости,—но моихъ друзей страшно узнать поближе; эгоизмъ проникаетъ, такъ сказать, весь составъ ихъ; обмануть въ покупкѣ, выиграть не-правое дѣло, взять взятку — считается не въ тихомолку, но прямо, открыто, дѣломъ умнаго человѣка; ласкательство къ человѣку изъ котораго можно извлечь пользу—долгомъ благовоспитаннаго человѣка; долголѣтняя злоба и мщеніе — естественнымъ дѣломъ; пьянство, карточная игра, развратъ, какой никогда въ голову не войдетъ человѣку образованному—невиннымъ, дозволеннымъ отдыхомъ. И между тѣмъ они несчастливы, жалуется и проклинаютъ жизнь свою. — Какъ и быть иначе! Вся эта безнравственность, все это полное забвеніе человѣческаго достоинства переходитъ отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну въ видѣ отеческихъ наставленій и примѣра и заражаетъ цѣлыя поколѣнія. Я понялъ, наблюдая вблизи этихъ господъ, отъ чего безнравственность такъ тѣсно соединена съ невѣжествомъ, а невѣжество съ несчастіемъ: Христіанство не даромъ призываетъ человѣка къ забвенію здѣшней жизни; чѣмъ болѣе человѣкъ обращаетъ вниманія на свои вещественныя потребности, чѣмъ выше цѣнить всѣ домашнія дѣла, домашнія огорченія, рѣчи людей, ихъ обращеніе въ отношеніи къ нему, мелочныя наслажденія, словомъ всю мелочь жизни—тѣмъ онъ несчастливѣе; эти мелочи становятся для него цѣлію бытія, для нихъ онъ заботится, сердится, употребляетъ всѣ минуты дня, жертвуетъ всею святы-

нею души, и такъ какъ эти мелочи безчисленны, душа его подвергается безчисленнымъ раздраженіямъ; характеръ портится; всѣ высшія, отвлеченныя, успокоивающія понятія забываются; терпимость, эта высшая изъ добродѣтелей, исчезаетъ;—и человѣкъ невольно становится золь, вспыльчивъ, злопамятенъ, нетерпящъ; внутренность души его становится, адомъ. Примѣры этого мы видимъ ежедневно: человѣкъ всегда беспокойный не нарушили-ль въ отношеніи къ нему уваженія или приличій, хозяйка дома вся погруженная въ смотрѣніе за хозяйствомъ, ростовщикъ безпрестанно занятый учетомъ процентовъ, чиновникъ, въ канцелярскомъ педантизмѣ забывающій истинное назначеніе службы, человѣкъ въ низкихъ расчетахъ забывающій свое достоинство,—посмотрите на этихъ людей въ ихъ домашнемъ кругу, въ сношеніи съ подчиненными—они ужасны; жизнь ихъ есть непрерывная забота никогда не достигающая своей цѣли, ибо они столько пекутся о средствахъ для жизни что жить не успѣваютъ!—Въ слѣдствіе этихъ печальныхъ наблюденій надъ моими деревенскими друзьями, я заперся и не велѣлъ никого изъ нихъ пускать къ себѣ. Оставшись одинъ, я побродилъ по комнатѣ, посмотрѣлъ нѣсколько разъ на свой четверугольный прудъ, попробовалъ было срисовать его, но ты знаешь что карандашъ мнѣ никогда не давался, трудился, трудился: вышла гадость, припаялся было за стихи—вышелъ по обыкновенію скучный споръ между мыслями, стопами и приемами; я даже было запѣлъ, хотя никогда не могъ нала-

дить и *di tanti palpiti*—и наконецъ, увы! призвалъ стараго управителя покойнаго моего дядюшки и невольно спросилъ у него: «да не ужели у дядюшки не было никакой библіотеки?» Съдой старичокъ низко мнѣ поклонился и отвѣчалъ:—Нѣтъ, батюшка, такой у насъ никогда не бывало.—«Да что же такое» спросилъ я «въ этихъ запечатанныхъ шкафахъ, которые я видѣлъ на мезонинѣ?»—Тамъ батюшка лежать книги; по смерти дядюшки вашего, тетюшка изволила запечатать эти шкафы и отнюдь не приказывала никому трогать.—«Открой ихъ.»

Мы взошли на мезонинъ, управитель отдернулъ едва державшіяся восковыя печати—шкафъ открытъ и что я увидѣлъ? Дядюшка, чего я до сихъ поръ не подозрѣвалъ, былъ большимъ мистикомъ. Шкафы были наполнены сочиненіями Парацельсія, графа Габадиса, Арнольда Виллановы, Раймонда Лулія и другихъ Алхимиковъ и Кабалистовъ. Я даже замѣтилъ въ шкафу остатки нѣкоторыхъ химическихъ снарядовъ. Покойный старикъ вѣрно искалъ философскаго камня — проказникъ! и какъ онъ умѣлъ сохранять это въ секретъ!

Нѣчего было дѣлать, я принялся за тѣ книги которыя нашлись, и теперь, вообрази себѣ меня, человека въ 49-мъ вѣкѣ сидящаго надъ огромными фоліантами и со всеусердіемъ читающаго разсужденіе: о первой матеріи, о всеобщемъ электриѣ, о душѣ солнца, о сѣверной влажности, о звѣздныхъ духахъ и о прочемъ тому подобномъ. Смѣшно и скучно и

любопытно. За этими хлопотами я почти позабылъ о моей сосѣдкѣ хотя ея батюшка (одинъ порядочный, хотя и скучный человѣкъ изъ всего уѣзда) часто у меня бываетъ и очень за мною ухаживаетъ; все что я ни слышу объ ней, все показываетъ, что она какъ называли въ старину, предостойная дѣвица, т. е. имѣетъ большое приданое; между тѣмъ слышалъ я стороною что она дѣлаетъ много добра, и пр. выдаетъ замужъ бѣдныхъ дѣвушекъ, даетъ имъ денегъ на свадьбу и часто умиряетъ гнѣвъ своего отца, очень вспыльчиваго человѣка; всѣ окрестные жители называютъ ее Ангеломъ — это не по здѣшнему; впрочемъ эти дѣвушки всегда имѣютъ большую склонность выдавать замужъ если не себя такъ другихъ. Отъ чего бы это? —

ПИСЬМО III.

(Два мѣсяца спустя).

Ты я чаю думаешь, что я не только влюбился, но даже женился — ты ошибаешься. Я занятъ совсемъ другимъ дѣломъ, я пью и знаешь ли что! чего не выдумаетъ бездѣлье! я пью воду, не смѣйся — надобно знать какую воду. Роясь въ библіотекѣ моего дядюшки, я нашелъ рукописную книгу, въ которой содержались разные рецепты для вызванія элементарныхъ духовъ. Многіе изъ нихъ

были смѣшны до крайности; тутъ требовалась печенка изъ бѣлой вороны, то стеклянная соль, то алмазное дерево и по большой части всѣ составы были таковы, что ихъ не отыщемъ ни въ одной аптекѣ. Между прочими рецептами я нашелъ слѣдующій: «элементарные духи, говоритъ авторъ, очень «любятъ людей и довольно со стороны человѣка ма- «лѣйшаго усилія, чтобъ войти въ сношеніе съ ни- «ми, такъ н. п. для того, чтобы видѣть духовъ но- «сящихся въ воздухѣ, достаточно собрать солнечные «лучи въ стеклянный сосудъ съ водою и пить ее «каждый день. Этимъ таинственнымъ средствомъ духъ «солнца будетъ мало помалу входить въ человѣка и «глаза его откроются для новаго міра. Ктоже рѣ- «шится обручиться съ ними посредствомъ одного изъ «благородныхъ металловъ, тотъ постигнетъ самый «языкъ стихійныхъ духовъ, ихъ образъ жизни, и его «существованіе соединится съ существованіемъ из- «браннаго имъ духа,—который дастъ ему познаніе «о такихъ таинствахъ природы, . . . но болѣе мы «говорить не смѣемъ . . . Sapiienti sat . . . здѣсь и безъ «того много, много уже сказано для просвѣтленія «ума твоего, любезный читатель и проч. и проч.» Этотъ способъ показался мнѣ столько простымъ, что я вознамѣрился испытать его, хотъ для того, дабы имѣть право похвастаться, что я на себѣ испыталъ кабалистическое таинство. Я вспомнилъ было Ундину, которая такъ утѣшала меня въ ребячествѣ — но не желая имѣть дѣла съ ея дядюшкою — я пожелалъ видѣть Сильфиду, съ этою мыслію — чего не дѣлаетъ бездѣлье? бросилъ бирюзовый пер-

етень въ хрустальную вазу съ водою, выставилъ эту воду на солнце, къ вечеру ложась спать ее выпиваю, и до сихъ поръ нахожу, что по крайней мѣрѣ это очень здорово; еще никакой элементарной силы я не вижу, а только сонъ мой сдѣлался спокойнѣе.

Знаешь-ли что я не перестаю читать моихъ Кабалистовъ и Алхимиковъ и знаешь-ли что я еще скажу тебѣ: эти книги для меня весьма занимательны. Какъ милы, какъ чистосердечны ихъ сочинители: «наше дѣло» говорятъ они—«очень просто: женщина, не оставляя своего веретена, можетъ совершить его,—умѣй только понимать насъ.» — «Я видѣлъ,» говоритъ одинъ, — «при мнѣ это было, когда Парацельсѣй превратилъ одиннадцать фунтовъ свинца въ золото.» «Я самъ» говоритъ другой, — «я самъ умѣю извлекать изъ природы первоначальную матерію, и самъ посредствомъ ея могу легко превращать всѣ металлы одинъ въ другой по произволѣнію.» «Прошлаго года,» говоритъ третій, «я сдѣлалъ изъ глины очень хорошій яхонтъ, и проч.» у всякаго послѣ этого откровеннаго признанія слѣдуетъ краткая, но исполненная жизни молитва. — Для меня необыкновенно трогательно это зрѣлище: человѣкъ говорить съ презрѣніемъ о томъ что они называютъ ученостію профановъ т. е. насъ; съ гордою самоувѣренностію достигаетъ или думаетъ достигнуть до послѣднихъ предѣловъ человѣческой силы — и на сей высокой точкѣ смиряется, произнося благодарную простосердечную молитву Всевышнему. Невольно вѣришь знанію такого человѣка;

одинъ невѣжда можетъ быть атеистомъ, какъ одинъ атеистъ невѣждою. Мы, гордые промышленники 19-го вѣка, мы напрасно пренебрегаемъ этими книгами, и даже не хотимъ знать о нихъ. Посреди разныхъ глупостей, показывающихъ младенчество физики, я нашелъ много мыслей глубокихъ; многіе изъ этихъ мыслей могли казаться ложными въ 18-мъ вѣкѣ, но теперь большая часть изъ нихъ находитъ себѣ подтвержденіе въ новыхъ открытіяхъ: съ ними то же случилось что съ Дракономъ, котораго тридцать лѣтъ тому почитали существомъ баснословнымъ и котораго теперь отыскивали на лице, между допотопными животными. Скажи должны ли мы теперь сомнѣваться въ возможности превращать свинецъ въ золото съ тѣхъ поръ какъ мы нашли способъ творить воду, которую такъ долго почитали первоначальною стихіею? Какой химикъ откажется отъ опыта разрушить алмазъ и снова возстановить его въ первобытномъ видѣ? А чѣмъ мысль дѣлать золото, смѣшнѣе мысли дѣлать алмазы? Словомъ смѣйся надомною какъ хочешь, но я тебѣ повторяю, что эти забытые люди достойны нашего вниманія; если нельзя во всемъ имъ вѣрить, то съ другой стороны нельзя сомнѣваться, что ихъ сочиненія не намѣкаютъ о такихъ знаніяхъ, которыя теперь потерялись и которыя бы не худо снова найти; въ этомъ ты увѣришься, когда я тебѣ пришлю выписку изъ библіотеки моего дядюшки.

ПИСЬМО IV.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я забылъ тебѣ написать именно то, для чего я началъ его. Дѣло въ томъ, что я нахожусь, мой другъ, въ странномъ положеніи и прошу у тебя совѣта: я писалъ къ тебѣ уже нѣсколько разъ о Катенькѣ, дочери моего сосѣда; мнѣ наконецъ удалось заставить говорить ее, и я узналъ, что она не только имѣетъ природный умъ и чистое сердце, но еще совсѣмъ неожиданное качество: а именно—она влюблена въ меня по уши. Вчера пріѣхалъ ко мнѣ отецъ ея и разсказалъ мнѣ то, о чемъ я слышалъ только мелькомъ, препоручая всѣ мои дѣла управителю; у насъ производится тяжба объ нѣсколькихъ тысячахъ десятинахъ лѣса, которыя составляютъ главный доходъ моихъ крестьянъ; эта тяжба длится уже болѣе тридцати лѣтъ, и если она кончится не въ мою пользу, то мои крестьяне будутъ совершенно раззорены. Ты видишь, что это дѣло очень важное. Сосѣдъ мой разсказалъ мнѣ его съ величайшими подробностями и кончилъ предложеніемъ помириться; а что бы миръ этотъ былъ прочнѣе, то онъ далъ мнѣ очень тонко почувствовать, что ему-бы очень хотѣлось имѣть во мнѣ зятя. Это было совершенно водевильная сцена, но она заставила меня задуматься; что въ самомъ дѣлѣ? молодость моя уже прошла, великимъ человѣкомъ мнѣ не бывать, все мнѣ надоѣло;